

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора к первому изданию
на русском языке vii

ОБВИНЕНИЕ

Рим — к ответу! 1

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

ГЛАВА 1 Нероновы разбои и прочая
насильственная преступность 15

ГЛАВА 2 От мелких краж до хищений в особо
крупных размерах 58

ГЛАВА 3 Аферы на любой вкус и коррупция
имперского размаха 93

ГЛАВА 4 Политика террора 131

ГЛАВА 5 Преступления перед богами. 177

ГЛАВА 6 Разврат, пьянство, чревоугодие и прочие
преступления против нравственности. 212

ГЛАВА 7 Военные преступления 247

ГЛАВА 8 Преображение? Преступность
в обрамлении христианской империи 283

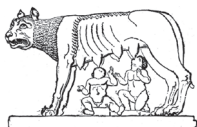
БЕССЛАВИЕ. ПРЕСТУПНЫЙ ДРЕВНИЙ РИМ

ВЕРДИКТ

Виновен ли Рим?.....	326
Источники и рекомендуемая литература.....	347
Слова благодарности.....	360
Предметно-именной указатель.....	361

О Б В И Н Е Н И Е

РИМ — К ОТВЕТУ!

ЦАРЬ СРАЗУ ЖЕ ОСОЗНАЛ УГРОЗУ. Дочь соперника родила мальчиков-близнецов: подрастут — будут претендовать на престол. Вот и распорядился он по своему царскому разумению утопить приплод в Тибре. Вышла, однако, незадача: река разлилась настолько широко, что к ней было невозможно подступиться, — и нерадивые слуги оставили плетеную колыбель с новорожденными на пóлой воде у берега: авось смоеет ее течением — и новорожденные утонут. Однако вышло иначе: паводок отступил, а корзина с малышами так и осталась на топком берегу под сенью смоковниц. Спустилась к реке на водопой кормящая волчица, обнаружила плачущих младенцев. Волчица утолила жажду и могла бы легко растерзать их, но вместо этого дала сосцы голодным человеческим детенышам и облизывала их, пока они насыщались молоком. Вскоре их заметил пастух Фаустил и отнес домой, к жене по имени Акка Ларенция. Они усыновили найденшей, нарекли Ромулом и Ремом и воспитали вместе с собственными детьми.

Мальчики росли удивительно крепкими и сильными. На долгих охотничьих вылазках в окрестных лесах они заодно с дичью

БЕССЛАВИЕ. ПРЕСТУПНЫЙ ДРЕВНИЙ РИМ

убивали и разбойников. Прирожденные лидеры, братья увлекали вместе с собой юных искателей приключений. А как только набралось у близнецов последователей на боеспособную дружину — они пошли войной на тирана, некогда пытавшегося их утопить. Произошла битва, царь упустил возможность добиться легкой победы, и имя его навсегда исчезло из летописей. Так забывают великих.

Братья почувствовали необходимость основать собственный город недалеко от того места, где их когда-то обнаружил приемный отец. Все окрестные деревни были перенаселены, желающих присоединиться к паре вдохновенных молодых людей набралось хоть отбавляй, и, казалось, градостроительный проект был обречен на успех. Увы, договориться о точном месте закладки города братьям не удалось. Ромул предпочитал холм Палатин, а Рем — холм Авентин. На повестке дня стоял и другой интересный вопрос: в честь кого из братьев назвать город? Ведь они близнецы, нет ни старшего, ни младшего. Так и не договорившись, братья начали создавать поселения каждый на своем холме, а разрешение спора оставили на усмотрение богов.

Вот что они договорились сделать: в определенный момент каждый пересчитает птиц в небе над своим холмом. Боги ясно укажут, кто прав, послав в сторону одного из холмов большую стаю. Каждый из братьев расположился на своем холме, и они начали вглядываться в небо. Ни единой птицы не представило взгляду Ромула, но он решил перехитрить брата и отправил за ним гонцов с приглашением явиться и убедиться в его победе. Получив такое известие, Рем, естественно, решил бы, что проиграл. Гонцы, впрочем, устыдились столь бесчестного обмана и, вероятно, усомнились, верно ли они выбрали себе господина, а потому спешить не стали. Между тем Рем насчитал шесть парящих коршунов и решил, что победил... Но прямо к его

прибытию вдвое больше птиц явилось Ромулу. Обе стороны заявили о своей победе: Рем на том основании, что усмотрел птиц раньше, Ромул — утверждая, что насчитал их больше. Страсти накалились, посыпались удары, и в ходе драки Рем погиб. Теперь Ромул мог назвать город в свою честь. Так и был основан Рим.

Историк Тит Ливий называет точную дату основания: 21 апреля 753 года до н. э. Вот только труд самого Ливия был создан примерно через 750 лет после описываемого события, что заставляет усомниться в точности датировки. Историк не мог доподлинно знать эту дату. Сохранилось немало других версий событий той поры. В некоторых из них утверждается, что Рем высмеивал Ромула и возводимую им стену города, перепрыгивал через нее, громко оскорбляя и понося за оборонительную непригодность, пока не довел брата до вспышки ярости, жертвой которой и пал. Один из источников даже возлагает вину за гибель Рема не на Ромула, а на одного из его сторонников. Самое раннее из дошедших до нас свидетельств — датированное примерно 200 годом до н. э. сообщение древнеримского историка Квинта Фабия Пиктора, которое тоже отстоит от предполагаемого события; впрочем, всего на полтысячелетия. Три самых известных сегодня источника — появившиеся примерно в одно время сочинения Ливия и Дионисия Галикарнасского, а также датированное II веком н. э. жизнеописание Ромула, созданное Плутархом. Сразу бросаются в глаза расхождения относительно точного года основания Рима, указанного в античных источниках: разные авторы датируют событие 814, 753, 752, 751, 748 и 729 годами до н. э. Однако все эти предания записаны уже после того, как Рим начал господствовать в Средиземноморье, и говорят нам куда больше о том, как поздние римляне думали о себе, нежели о реальных событиях времен основания города. Не исключено, конечно, что в некоторых легендах содержится и зерно правды. Вполне вероятно, что Рим

БЕССЛАВИЕ. ПРЕСТУПНЫЙ ДРЕВНИЙ РИМ

действительно был основан человеком по имени Ромул. Возможно, существовали и братья-близнецы, которые разругались из-за выбора места поселения, а затем и подрались смертным боем из-за его названия. Но самое важное во всех этих мифах — самоидентификация поздних римлян. Миф об основании города давно считается и объяснением особого характера римлян, и источником ответов на вопросы о причинах преуспеяния и величия Древнего Рима.

Миф дает ответы на подобные вопросы, но далеко не все из них устроят нас. Почему в основе легенды лежит такое чудовищное преступление, как братоубийство? В конце концов, умерщвление ближайшего родственника считалось в древнеримском обществе особо тяжким преступлением. Виновных в нем злодеев не казнили через обезглавливание или сожжение на костре, а зашивали в мешок вместе с собакой, петухом, змеей и обезьяной и швыряли в море или Тибр. Эта гипертрофированная форма казни хорошо отражала основополагающее значение, которое римское общество придавало институту семьи. То, что важнейшая роль в предании отведена настолько отвратительному преступлению, наводит на предположение: римляне сознавали темную сторону своей коллективной личности. Поздние римляне, заглядывая в глубь себя, наблюдали застарелое безжалостное жестокосердие, которое одно только и объясняло, как удалось им покорить всё Средиземноморье. Должно быть, умерщвление Рема символизировало способность римлянина ставить государство превыше всего, включая родного брата. Власть значила больше, нежели что-либо иное, и если для получения политического контроля требовалось уничтожить собственную семью — значит, это следовало сделать. История с основанием города лишь подчеркивала способность римлян к насилию и демонстрировала понимание ими всей меры жестокости, которая может потребоваться от правителей.

Она поднимала вопрос о диковинном смешении кровей в их родословной. Если основатели города родились у царской дочери, тут же были брошены, а затем воспитаны пастухами, стоит ли удивляться грубости и даже жестокости римлян? Во многом история становления Рима служила еще и метафорическим описанием римского народа. Некоторые (в частности, сенаторы) были людьми знатными и благородными, большинство (плебс) — здравомыслящими, приземленными прагматиками, а римский народ в целом обладал всеми качествами, необходимыми для того, чтобы править миром в известных ему пределах.

Римляне отдавали себе отчет и в том, что они не заслуживают полного доверия. Очень важное качество для римлян в целом — плебейская дерзость. Разве не Ромул первым пытался обвести вокруг пальца родного брата при подсчете птиц? Да еще и перед лицом богов? Римлянам нравилось верить в то, что боги на их стороне, — весьма уютно устроились они под защитой доктрины *Pax deorum* («мира с богами»). Вот только разве не их легендарный основатель пытался в открытую мухлевать в религиозном вопросе? Позднее римляне признали за собой замечательную способность использовать себе во благо подобные тщательно спланированные гнусности. Одно из толкований мифа даже отрицает фигуру волчицы-кормилицы. Латинским словом *lupae* римляне обозначали также и проституток, и, согласно некоторым трактовкам предания, речь идет о жене Фаустула. Римляне как будто чувствовали, что в их родословной таится некая постыдная тайна, раскрытие которой объяснило бы их психологический портрет.

Конечно, миф об основании города указывал и на положительные качества римлян. Брошенные дети оказались столь жизнестойкими, что было ясно: они представляют собой нечто особенное. Из них выросли красивые и достойные, храбрые и отважные юноши, презревшие опасность и ни перед кем

БЕССЛАВИЕ. ПРЕСТУПНЫЙ ДРЕВНИЙ РИМ

не ведавшие страха. Братья были одинаково дружелюбны со сверстниками и младшими, но при этом открыто насмехались над приспешниками царя. Если кому-то грозила расправа, они вступались за них. Подобно необычайной волчице, что предпочла накормить их, а не растерзать, братья присматривали за теми, кто оказался под их опекой. Судя по рассказам, Ромул был более рассудительным и прозорливым, а при заключении сделок с соседями всем своим видом показывал, что рожден властвовать, а не подчиняться. Оба брата со страстью занимались всем, за что бы ни взялись, будь то упражнения в ловкости, охота или облавы на воров и разбойников. Потому и не удивительно, что слава о Ромуле и Реме разнеслась далеко окрест, а их потомки покорили всё Средиземноморье.

Но римляне знали, что успех дался им дорогой ценой. У Овидия в поэме «Фасты» описано явление приемным родителям призрака Рема, который поведал им о том, что убийством своим оскорблен, но зла на брата не таит и в их взаимной любви не сомневается (IV). Услышав об этом, Ромул с трудом сдерживает слезы; он считает нужным обходиться без прилюдных рыданий и прочей демонстрации человеческой слабости, являя собою живой пример силы духа. Римляне вообще понимали под успехом способность подавлять личные желания и жертвовать ими во благо государства; отсюда и присущая им готовность мириться при необходимости с любыми формами преступного насилия. Однако прежде всего они понимали животную природу своего характера: мощные вспышки злобы, тяга к устрашению и дикости, впитанным с молоком волчицы. Римляне знали, что они воистину сукины дети.

Настоящая книга призывает Древний Рим к ответу. Множество свидетельских показаний говорят о разворачивавшихся там сценах позора, преисполненных вопиющей дикости и насилия, коррупции и разврата. Один современный писатель

называет бои гладиаторов в Колизее «кровожадными человеческими жертвоприношениями» и «заведомо мерзейшей изо всех когда-либо изобретенных кровавых забав», а затем доходит до утверждения, что «самыми разрушительными явлениями в истории человечества стали нацизм и римские гладиаторы». Завоевательные войны Рима сопровождались тем, что Эдуард Гиббон* описал как «безостановочное попрание гуманности и справедливости», и в наши дни римские военачальники неизбежно оказались бы на скамье подсудимых Международного уголовного суда в Гааге. Коррупция, по утверждению одного видного академика, «была настолько органически присуща Римской империи, что государственные цели приносились в жертву как противоречащие частным интересам алчных до наживы высокопоставленных чиновников и военачальников, и это в немалой степени поспособствовало краху империи». Да и в более современных популярных интерпретациях — будь то роман Роберта Грейвза «Я, Клавдий» или телесериал «Рим» производства НВО — Римская империя становится синонимом половой распущенности и всевозможных сексуальных извращений. Однако другие авторы превозносили Рим в качестве образца упорядоченного и успешного общества. В их глазах империя эпохи *Pax Romana*** обеспечила миллионам людей века́ мира и свободы от худших страхов — перед набегами

* Эдуард Гиббон (1737–1794) — английский историк, автор многотомного труда «История упадка и разрушения Римской империи» (The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, 1776–1788), в котором он систематизировал события I–XVI веков. — *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примеч. переводчика.*

** *Pax Romana* (с лат. «Римский мир») — период относительного спокойствия и процветания Римской империи в максимально широких границах, датируемый разными историками несколько различными временными рамками, но в целом приходящийся на I век до н. э. — II век н. э.

БЕССЛАВИЕ. ПРЕСТУПНЫЙ ДРЕВНИЙ РИМ

и вторжениями, военными поражениями и опустошением, гибелью и порабощением. Римское владычество вдохновило архитекторов на создание множества памятников зодчества в стиле неоклассицизма — от суда Олд-Бейли в Лондоне до Капитолия в Вашингтоне.

Но как всё-таки обстояли дела на самом деле? Была ли Римская империя добропорядочным обществом под управлением императоров, хорошо справлявшихся со своими обязанностями и потому пользовавшихся народной поддержкой? Или же то была жестокая, насквозь криминализованная преступная организация, где закон как таковой нужен был прежде всего для обслуживания интересов власть имущих, а всякая оппозиция подавлялась в зародыше? А может быть, преступное начало коренилось в самом сердце этого общества, ведь оно составляет фундамент мифа об основании города?

Сами фигуры римских императоров вполне отражают присущую Риму двойственность. Есть среди них всем известные одиозные «злодеи» — тираны наподобие Нерона и Калигулы, олицетворение произвола и деспотии. Будучи неподсудными, эти правители поставили себя над законом и нарушили все правила и нормы социального поведения. Но что если они были исключениями? Римом правили и другие императоры, которые делали, казалось, всё возможное для торжества законности и свершения правосудия. Древнеримский историк Светоний, к примеру, утверждает, что император Клавдий не всегда слепо следовал букве закона, а гибко трактовал его сообразно собственным представлениям о справедливости и мог отдать особо опасного преступника на растерзание диким зверям, даже если законом столь суровая кара формально не предусматривалась. Как-то раз, вынося прилюдно приговор фальшивомонетчику, Клавдий услышал из толпы возглас: «Руки бы ему отрубить!» Вспомнив, что глас народа — глас божий, государь тут же призвал

на площадь палача с секирой и колодой. Кто же после этого Клавдий — достойный правитель или популист, потакающий вкусам кровожадной публики? Также Светоний рассказывает о странной непоследовательности Клавдия при рассмотрении подведомственных ему дел. Иногда он тщательно вникал во все детали и проявлял искушенность и проницательность, в других случаях выносил суждение и приговор поспешно и бездумно, а иногда вел себя просто глупо. Однажды перед рассмотрением спора о правомерности признания некоего мужа гражданином Рима представители сторон вступили в бессмысленный диспут относительно того, в чем именно — в тоге или в тунике — надлежит тому предстать перед судом, поскольку тога — атрибут гражданства. И тогда, чтобы выказать свою непредвзятость, Клавдий распорядился, чтобы данный муж в ходе прений всякий раз переодевался из тоги в тунику и обратно в зависимости от того, защита или обвинение берут слово. Светоний считает, что подобными действиями Клавдий дискредитировал себя и заслужил всеобщее презрение.

Рассмотрим, однако, поведение Тиберия после того, как претор Плавтий Сильван по невыясненным причинам выбросил из окна спальни свою жену Апронию. Доставленный к императору чиновник заявил, что крепко спал и ничего не видел, так что его жена, вероятно, сама покончила с собой. Тиберий немедленно направился к нему в дом и, осмотрев спальню, обнаружил следы борьбы, свидетельствовавшие о том, что Апронию, скорее всего, сбросили вниз насильственно. Во избежание произвола Тиберий передал дело на рассмотрение сената, который назначил судебную коллегия. До сих пор всё шло благопристойно. Но сразу же вслед за этим бабка Сильвана по имени Ургулания, состоящая в дружбе с императорской семьей, прислала внуку кинжал. Явно исходящий от Тиберия намек был истолкован правильно, и подсудимый велел вскрыть себе вены

(*Тацит*, *Анналы*, IV.22). И снова перед нами не просто красочное описание анекдотичного и, на первый взгляд, нетипичного события, но еще и свидетельство причудливого смешения законности и произвола — явления, весьма характерного для имперского правления.

И всё же в какой степени императоры соответствовали запросам древнеримского общества? Они плохо представляли жизнь широких народных масс населения, так можно ли сказать, что они оказывали хоть сколько-нибудь значимое влияние на жизнь среднестатистического римлянина? У некоторых античных авторов мы находим, кажется, вполне искренние выражения благодарности в адрес правителей, прямо ставящие им в заслугу мир и благополучие на просторах Римской империи: «Вот вы видите, что повсюду царит мирный покой, которым обеспечивает нас, как нам кажется, цезарь, что нет больше ни войн, ни раздоров, ни разгула разбойничьих шаек, ни пиратских [нападений], и можно во всякий час совершать путь по суше и по морю от востока до запада» (*Эпиктет*, *Беседы*, III.13.9)*. Некоторые ученые, однако, усматривают в подобных выражениях чувств лишь проявление верноподданничества, заложенного в самый фундамент империи. Понятно же, говорят они, что закон был суров, хотя и считался единым для всех и направленным на всеобщее благо. Римский историк Веллэй Патеркул так описывает методы, использовавшиеся императором Августом для восстановления законности — главной черты его правления после хаоса последних лет эпохи республики:

...возвращены государству одряхлевшие от долгого бездействия и погребенные правосудие, справедливость, энергия; к магистратам пришел авторитет, к сенату — величие,

* Фрагменты произведения даны в переводе Г. Тароняна.

к судьям — жесткость; подавлен театральный мятеж; всем внушено желание или вменено в обязанность поступать правильно: всё правое окружено почетом, а дурное наказывается; низший чтит обладающего властью, но не боится, могущественный идет впереди низшего, но не презирает его (Римская история, II.126)*.

«Когда цены на хлеб были умереннее? Когда мир был отраднее?» — восклицает он далее, впрямую относя все эти достижения на счет *Pax Augusta* — «Августовского мира», позволившего сохранить самые отдаленные уголки империи свободными от разбоя. Сам император собственным примером побуждал сограждан поступать правильно.

Высочайшая похвала. Но насколько она заслуженна? Предположим, мы приняли описанное здесь за чистую монету. В таком случае нашему взору открывается мир, в котором — даже при не очень-то, по сравнению с современностью, развитой правовой системе — успешно поддерживается мирное сосуществование многомиллионного населения Римской империи. Сама империя, с точки зрения Веллея Патеркула, существовала так долго именно по причине всеобщего консенсуса относительно римского господства. Обитатели подвластного Риму мира в полной мере восприняли и усвоили идеологию правящего класса и, как следствие, сделались скорее добровольными участниками империи, нежели ее подданными. Проблема в том, что эта точка зрения полностью игнорирует внушительный дисбаланс сил между сторонами. Мог ли народ в такой ситуации относиться к императору иначе, нежели с подобоострастием? Но вспомним иракцев, радовавшихся при всяком появлении Садама Хусейна на публике и резко изменивших отношение

* Фрагмент произведения дан в переводе А. Немировского.

БЕССЛАВИЕ. ПРЕСТУПНЫЙ ДРЕВНИЙ РИМ

к нему сразу же после его свержения. Смеем предположить, что и римляне высказывали в адрес своих властвующих императоров исключительно то, что те хотели услышать. Свое частное мнение они вполне могли держать при себе и относиться к государям совершенно иначе.

Что можно сказать о римском плебсе? Был ли народ в массе своей законопослушен и настолько поглощен «хлебом и зрелищами», говоря словами сатирика Ювенала, чтобы вовсе не заботиться о таких абстрактных понятиях, как справедливость? Мы еще изучим вопрос о том, имелась ли у народа возможность хоть как-то влиять на императоров и откликнулся ли кто-то из них на требования соблюдения законности и поддержания правопорядка, исходящие из масс народа. Мы слушаем разговоры в римских тавернах и узнаем, как здесь отзывались о властях предрежащих. О свободе слова под властью императора-автократа не могло быть и речи, но мы увидим, насколько умело люди облекали критику в безобидные и безопасные обезличенные формулировки.

В предстоящем расследовании нам уготована роль детективов, и для вынесения приговора Римской империи мы займемся сбором доказательств буквально по всему подвластному ей миру, обращая взор не только на императоров и сенаторов, но и на крестьян, ремесленников, наемных работников и на самое дно общества — невольников. Мы кропотливо изучим широчайший спектр источников в поисках документальных подтверждений царившего в Древнем Риме бесправия. В нашем распоряжении обширные своды законов, датированные эпохой поздней империи, и множество дел, дошедших до суда, во всех деталях. Египетские папирусы содержат впечатляющие свидетельства того, как вершилось римское правосудие на местах. Есть у нас и примеры вымышленных преступлений — из упражнений в назидательной риторике и из античной художественной